

Ван Сюань щедро насыпал в ванну целебных трав, снимающих усталость, и отправил своего ненаглядного отмокать. Затем он добрых полчаса бережно и умело разминал ему мышцы, ублажив Гоуданя так, что тот лишь сладко постанывал от удовольствия. Вскоре послышалось мерное посапывание — парень крепко уснул.

Физически Ли Кай всегда был крепок как камень, и если уж он так вымотался, дело явно было серьезным, требующим колоссального напряжения не только тела, но и ума.

А-Сюань помнил, что его названный брат уже около полугода забросил регулярные тренировки. Причина была проста — смертельная усталость. Возвращаясь домой, он порой даже не успевал поужинать: засыпал прямо на диване под тихий стук посуды на кухне.

А ведь со дня первой «закалки», начатой по наставлению Безымянного настоятеля, Гоудань упорно занимался изо дня в день больше десяти лет без единого пропуска. Даже в лютые зимние снегопады он таскал тяжелые гири прямо в комнате, укрепляя руки. Какая бы суматоха ни царила вокруг, поблажек себе он никогда не давал.

Оставалось лишь надеяться, что все эти колоссальные усилия в бизнесе не пройдут даром.

Ван Сюань осторожно перевернул спящего на спину, укрыл его живот легкой простыней и, переключив вентилятор в дальнем углу на самый слабый, бесшумный режим, тихо выскользнул из спальни.

Пошел первый семестр его второго года в аспирантуре. С этого курса лекций почти не осталось — все время поглощали совместные проекты с научным руководителем, лабораторные исследования и практика в городских больницах. На написание дипломной работы оставались сущие крохи, и выкраивать драгоценные часы удавалось разве что поздними вечерами, после ужина.

Они оба крутились как белки в колесе, но ни один не желал довольствоваться малым. Неуемные амбиции гнали их вперед, заставляя жить на пределе возможностей. Захоти они легкой жизни — могли бы просто согласиться на государственное распределение после вуза. С их дипломами на родине их оторвали бы с руками, предложив кучу непыльных, престижных и спокойных должностей.

Но Ли Кай не из тех, кто ищет тихую гавань. Ему жизненно необходимы новые вершины, дух соперничества и оправданный риск. Да и сам А-Сюань был точно таким же.

Этот теплый, уютный дом принадлежал им двоим, но бывали они здесь все реже — куда меньше, чем в студенческие годы. Уходили на рассвете, возвращались затемно, отчего их семейное гнездышко постепенно превращалось в подобие гостиницы.

Глубокой ночью Ван Сюань сладко потянулся, погасил настольную лампу в кабинете и обошел весь дом, выключая свет. Оставил лишь негромкое приглушенно-желтое свечение в коридоре

— чтобы можно было разобрать дорогу, не режа глаза.

Но как бы там ни было, этот дом был им жизненно необходим. Ведь когда солнце клонилось к закату и усталые птицы возвращались в гнезда, именно здесь было то единственное место в мире, где они могли обрести покой.

Приподняв край легкого одеяла, А-Сюань скользнул в постель и прикрыл живот. Устроившись на боку лицом к Гоуданю, он долго всматривался в его безмятежное, расслабленное лицо, прежде чем протянуть руку и выключить ночник.

Спалось им на редкость сладко. Ли Кай размяк после горячего целебного отвара и массажа, а Ван Сюань засыпал с чувством абсолютного покоя, ощущая рядом родное тепло.

Едва занялся рассвет — было около шести утра — отлично выспавшийся Ли Кай открыл глаза. Полежав немного и окончательно придя в себя, он нащупал выключатель ночника. В нежном золотистом свете он увидел уткнувшегося ему в плечо Ван Сюаня. Тот спал, свернувшись калачиком и крепко обхватив его руку обеими ладонями.

«Всё так же льнет ко мне во сне», — с нежностью подумал Гоудань и улыбнулся. Как бы они ни ложились вечером, под утро А-Сюань неизменно оказывался под боком — сворачивался клубочком, прижимался, сжимая его руку или обвивая руками шею.

Ли Кай поцеловал любимого в макушку, осторожно высвободил руку, взял его лицо в ладони и принялся любоваться. До чего же хорош!

«Глаз не оторвать», — подумал он, чувствуя, как внизу живота мгновенно разливается томительный жар.

Из-за этой вечной суеты они не ласкали друг друга уже добрых две недели. Ну надо же, воздерживаться столько времени из-за дурацкой работы! Какое расточительство драгоценных дней молодости. Самое время наверстать упущенное и хорошенько «подкрепиться».

Ван Сюань спал безмятежным утренним сном. Сквозь сонную негу он уловил, что кто-то шевелит его голову, но сонным разумом понял: кроме любимого рядом никого быть не может. Поэтому просыпаться не стал и сладко засопел дальше. Ведь утренний сон перед самым пробуждением — самый сладкий.

Но через минуту по лицу, губам и лбу заскользило что-то мягкое и покалывающее. Стало щекотно. Сонный и расслабленный, А-Сюань вяло приподнял руку, чтобы почесаться, но пальцы наткнулись на мягкие короткие волосы.

Волосы? Щетина?

Ван Сюань с трудом разомкнул веки и нос к носу столкнулся с ухмыляющимся лицом Гоуданя.

Недолго думая, он налепил ладонь прямо на лицо наглецу.

— Ты чего творишь? Спи давай... — прохрипел он со сна сухим, сорванным голосом. А-Сюань потерся головой о подушку и снова зажмурился, надеясь провалиться в сон.

— Хочу тебя. До безумия, — выдохнул Ли Кай ему прямо в ухо.

Сон с Ван Сюаня как ветром сдуло. Он несильно шлепнул Гоуданя по макушке:

— С ума сошел? Ни свет ни заря же...

Но договорить не успел: Ли Кай уставился на него такими жалобными, полными фальшивой обиды глазами, словно его только что незаслуженно избили.

— Больно вообще-то! — надулся Гоудань. — А всё ты! Совсем меня разлюбил, забросил. Сколько мы уже не кувыркались? Ты только о своих историях болезней да пациентах и думаешь!

— Да ладно тебе, всего-то недели две прошло... — пробормотал Ван Сюань.

— «Всего-то»?! Ты издеваешься? Да это вечность! Всё, ущерб нужно компенсировать. Целуй давай, пока не зажило!

Вся напускная обида мигом испарилась. Ли Кай обхватил его лицо руками и принялся осыпать жадными, горячими поцелуями, от которых у А-Сюаня перехватило дыхание. Злиться сил уже не было, да и не хотелось — очень скоро они сплелись в едином порыве.

Когда обоим едва перевалило за двадцать, утренняя кровь бурлит особенно яростно. А после долгого воздержания страсть вспыхнула подобно пороху — они мигом забыли, кто ведущий, а кто ведомый.

Они безумствовали на огромной кровати, катаясь от изголовья к изножью, перебрались на балкон, а оттуда — в ванную. Страсть накрыла их с головой.

В конце концов вымытый дочиста и совершенно обессиленный Ван Сюань рухнул на простыни, не в силах шевельнуть и пальцем. Ли Кай, ничуть не смущаясь, набрал номер его научного руководителя:

— Профессор, Ван Сюань приболел, сегодня его не будет.

Заодно устроил выходной и себе. Позвонив Чжан Хэну, он лаконично бросил в трубку:

— В офис сегодня не приду, рулите там сами.

К этому моменту его компания пусть и не стала гигантом рынка, но работала как швейцарские часы благодаря четко выстроенной системе. Ли Кай никогда не стоял над душой у подчиненных и не требовал от них имитации бурной деятельности — этот дешевый театр ему даром был не нужен. Главное — являться без опозданий и не уходить раньше времени.

Как именно и за какой срок сотрудник справляется со своими задачами — его личное дело. Ли Кая интересовал исключительно конечный результат. Капиталистический прагматизм в чистом виде: если план завален, никого не волнует, что ты ночевал на работе и харкал кровью от усердия. Поощрять за пустые «старания» никто не станет. И наоборот: если всё сдано в лучшем виде и принесло прибыль, можешь хоть вообще не перерабатывать — никто слова не скажет.

Конечно, в частном секторе без авралов не обходилось. Но правила игры оставались прозрачными: даешь результат и приносишь компании выгоду — получаешь такие премиальные, перед которыми меркнут любые стандартные доплаты за сверхурочные.

Так Гоудань приучал людей к деловой хватке и прагматизму. Это выгодно отличало их от некоторых неповоротливых госпредприятий, где все тактически изображали дикую занятость, а реального выхлопа не могли родить неделями. Какой смысл высиживать часы у стола и плевать в потолок ради галочки? Лучше иди домой и выпишись.

Так что личное присутствие директора в офисе погоды не делало. Каждый четко знал свой маневр. А если оставалось свободное время, люди могли направить энергию в творческое русло. Глядишь, кто-то повторит успех тех умельцев с пищевого комбината, которые придумали новые рецепты конфет и отхватили за это колоссальные премиальные.

Философия бизнеса была проста: делай базу, обеспечивай сбыт, приноси прибыль. Обладаешь талантом и можешь привлечь новых клиентов или нащупать перспективную нишу — золотой дождь из бонусов тебе гарантирован.

Весь этот день они провели в ленивой полудреме, забив на дела. Просто валялись в обнимку, слушали пластинки на проигрывателе, заваривали ароматный чай и бездумно нежились на мягком диване на балконе. Время текло тягуче и сладко. Они лениво перекусывали печеньем, соприкасаясь головами, и неторопливо болтали обо всем на свете.

С тех пор как они ввязались в коммерцию, у них не выдавалось ни единого подобного дня. От непривычного безделья даже начало клонить в сон.

— Весной — слабость, осенью — сонливость, — сонно пробормотал Ли Кай. — Гляди, в саду листва уже пожелтела, прохладой потянуло. Самое время зарыться под одеяло и спать

сутками.

— Твоя правда, меня самого в последнее время так и рубит, — согласился Ван Сюань. — Передай-ка мне вон то печенье с финиками.

Ли Кай поворошил сладости на тарелке, выудил круглый кругляшок, отдаленно напоминавший финиковый, и заботливо поднес к губам любимого.

А-Сюань послушно откусил кусочек и укоризненно покосился на него:

— Оно же с кокосом.

— Но вкусное ведь?

— Вкусное.

Тогда Ли Кай без тени смущения закинул оставшуюся половинку себе в рот.

— М-м, сладкое. Нравится? Если хочешь, закину целую коробку тебе в пространственный карман. Там еда не портится, сможешь перекусить втихаря, когда проголодаешься на дежурстве. А то вечно носишься как угорелый, про обед забываешь, так и желудок посадить недолго.

— Чья бы корова мычала, сам-то на сухом пайке неделями сидишь, — фыркнул А-Сюань. — Да и как ты себе это представляешь? Только что препарировал лягушку или труп исследовал, а в следующую секунду лезу грязными руками за пирожками?

— Фу, ну и гадость, обязательно было в красках расписывать?

— А как иначе? Представь, каково мне: каждый раз, когда я думаю, что эти нежные ладони, которыми ты меня ласкаешь, до этого ковырялись в...

— На работе я всегда в перчатках! — закатил глаза Ван Сюань. — А тебя лапаю исключительно голыми руками. Так что не ворчи.

— Ладно-ладно, верю.

Проголодавшись, они прыгнули в машину, съездили пообедать, а вернувшись, продолжили лениво валяться.

Так, в тихом домашнем уюте и тепле, пролетел их внезапный выходной. Крепко и сладко

выспавшись ночью, на следующий день они с новыми силами ринулись штурмовать свои карьерные вершины.

Благодаря тому, что Ван Сюаню посчастливилось учиться у настоящего столпа традиционной китайской медицины, а сам он обладал редким даром и невероятным упорством, парень, даже грызя гранит западной медицинской науки, еще два года назад умудрился получить государственную лицензию практикующего врача-иглотерапевта и травника.

В его возрасте получить столь весомый документ удавалось единицам. Подавляющему большинству даже самых одаренных студентов профильных вузов приходилось пахать ради этого минимум лет семь-восемь. А многие и вовсе десятилетиями ходили в вечных ассистентах, не в силах сдать строгий экзамен.

Настоящих фанатов своего дела оставалось мало: молодежь массово шла на факультеты западной медицины. Там и срок обучения короче, и в арсенале куча точных приборов, да и работу выпускникам найти куда проще. Вот традиционная медицина и угасала по множеству причин, главная из которых — банальный кадровый голод.

К тому же развелось полчища шарлатанов. Они не умели ни пульс толком прощупать, ни рецепт грамотно составить — путались в элементарных вещах. Из-за таких недоучек в народе крепло убеждение, что традиционная медицина — сплошной обман, и при любом недомогании лучше сразу бежать на рентген или лечиться под капельницу.

Впрочем, случай Ван Сюаня стоял особняком. С раннего детства он впитывал тайные знания, подаренные некогда Безымянным настоящим, без устали штудировал древние фолианты и практиковался. В свои тринадцать лет мальчик умудрился составить два уникальных рецепта лекарств, которые до сих пор выпускались в качестве спецпоставок для партийной верхушки. Для гения такого масштаба лицензия в двадцать с лишним лет была делом вполне закономерным.

Сейчас он два дня в неделю вел прием в городской больнице китайской медицины. Поначалу пациенты обходили его кабинет стороной. В обывательском представлении хороший врач — это обязательно седовласый старец, умудренный годами опыта. Чему, мол, может научить этот безусый юнец?

Логика в этом была: традиционные методы действительно требуют колоссального практического багажа. Но из любого правила есть исключения. Если перед вами гений, шаблоны рушатся. Ведь если парень умудрился получить сложнейшую лицензию в столь юном возрасте, разве это не лучшее доказательство его выдающегося таланта?

Слепо уповать на возраст глупо. Многие пожилые эскулапы со временем теряют гибкость ума, закостеневают в старых догмах и не желают следить за прогрессом. Они упрямо цепляются за былые заслуги, упуская драгоценное время и калеча пациентов. Иной старик за всю жизнь так и не поднимается выше уровня посредственности. Истинное мастерство от цифр в паспорте не зависит, но широкой публике этого не растолковать — все свято верят, что седина равна

мудрости.

На самом же деле великими врачами становятся те, кто сохраняет молодой задор, готов учиться новому и не бронзовеет от собственного величия.

И пока обычные больничные пациенты косились на Ван Сюаня с подозрением, старые клиенты, помнившие его еще по тому крошечному аптечному прилавку, который когда-то обустроил для него Ли Кай, шли к «молодому доктору» с абсолютным доверием.

Даже когда у него не было официальных бумаг, они уважительно величали его «доктором Ван». Тот заветный прилавок стоял на прежнем месте, и Ван Сюань по-прежнему тратил на него один выходной день в неделю: продавал целебные мази, пилюли собственной сборки и пластыри. Теперь же, имея законные права, он мог официально проводить пульсовую диагностику, выписывать индивидуальные рецепты и делать иглоукалывание.

Местные старики при малейшей хвори бежали к нему. Все в один голос твердили, что его средства творят чудеса: давление нормализуется, суставы перестают выкручивать, да и старческие недуги отступают куда быстрее, чем после визитов в дорогие клиники. К тому же брал он за свои услуги сущие гроши.

Прознав, что доктор Ван теперь официально принимает в городской больнице по определенным дням, старики повалили туда гурьбой. Молодежь пыталась их образумить, но пожилые люди стояли на своем: «Пойдем только к Сюаню!». Новость о том, что их любимец наконец-то стал дипломированным специалистом, грела им душу.

Так что пустовать кабинету молодого специалиста долго не пришлось. А когда слухи о том, что юноша ставит диагнозы точнее любых современных аппаратов, подтвердились реальными случаями исцеления, слава о нем разнеслась по всему городу.

Руководство клиники предложило расширить его ставку до двух с половиной дней в неделю, но Ван Сюань вежливо отказался. Он всё еще учился в аспирантуре по направлению западной медицины, где после защиты диплома его ждал точно такой же изнурительный марафон государственных экзаменов на получение врачебной лицензии.

К тому же субботние полдня у прилавка отнимали немало сил. График трещал по швам, так что он решил пока ограничиться двумя днями.

Чтобы выкроить эти сорок восемь часов, ему приходилось буквально на ходу выполнять учебные задания и лабораторные работы. Ли Кай пропадал на фирме, Сюань — в больницах и библиотеках. Скучать не приходилось никому. Времени на двоих катастрофически не хватало, поэтому их редкие совместные ленивые выходные ценились на вес золота. Одной такой передышки хватало, чтобы с новыми силами пахать следующие пару месяцев.

Облетели последние листья, и по утрам пожухлая трава покрылась хрупким инеем. Из

отдаленных деревень потянулись первые грузовики с сушеными грибами, ягодами и прочими таежными дарами. На столичных складах товар тщательно сортировали, фасовали в нарядную обертку и отправляли караванами в крупные мегаполисы страны. Сезон зимних распродаж официально стартовал.

С первыми холодами спрос на лесные лакомства взлетал до небес. К Празднику весны каждая семья стремилась запастись деликатесами — брали щедро, по несколько килограммов сразу, ведь сушеные припасы могут храниться месяцами. Нарасхват шли не только древесные грибы и арахис для праздничных блюд, но и лакомства к чаю: грецкие орехи, вяленая хурма, сладкие финики и отборные семечки.

Без этого не обходилось ни одно новогоднее застолье. Кроме того, их собственная кондитерская фабрика работала в три смены: орехи и сухофрукты тоннами уходили на начинки для праздничных пирожных и конфет.

Механизм работал бесперебойно. Продажа товаров первой необходимости и простых продуктов питания гарантировала стабильный доход, но Ли Каю этого было мало. Сколотив солидный капитал, он жаждал совершить качественный рывок вперед.

Именно поэтому он пошел на сделку с могущественным консорциумом «Голубой щит». В этом союзе силы распределялись неравно: «Голубой щит» выступал главным локомотивом, а их скромный «Триумф» — ведомым партнером. Ли Кай прекрасно понимал все риски неравного брака, осознавая, что в случае конфликта его бизнес окажется в уязвимом положении.

Но что поделать, если собственных ресурсов на столь масштабную экспансию пока не хватало? Приходилось мириться с ролью младшего брата ради возможности зайти на перспективный рынок и откусить кусок пирога. Как только схема принесет первые плоды, а счета «Триумфа» пополнятся звонкой монетой, они смогут пуститься в самостоятельное плавание. Да и удержать монополию «Голубой щит» все равно не сможет — страна огромная, городов и неосвоенных земель хватит на всех.

Главное сейчас — застолбить за собой теплое местечко и запустить печатный станок. Проблемы будущего они будут решать по мере их поступления. Первым делом всегда рискованно лакомиться диковинным деликатесом: можно отравиться, а можно сорвать куш и вкусить нежнейшую мякоть. Ли Кай рискнул.

Наметив новые ориентиры развития компании на ближайшие годы, он вызвал к себе недавно назначенного главу отдела кадров и выдал четкое распоряжение: развернуть масштабную охоту за молодыми и амбициозными специалистами.

С началом предновогоднего отсчета в офисе воцарился сущий ад. От рядовых клерков до высшего руководства — все трудились на износ, мечтая закрыть год с рекордными показателями и получить баснословные тринадцатые зарплаты, чтобы встретить Праздник весны на широкую ногу.

Дафу и Иньтоу, прошедшие с компанией огонь и воду, давно выбились в старожилы и возглавили ключевые отделы продаж. Глядя на этих уверенных, лощеных мужчин, трудно было поверить, что еще лет пять назад они были простыми деревенскими парнями. Преображение было феноменальным.

Теперь они изъяснялись на безупречном путунхуа с едва уловимым, франтоватым столичным выговором — не знай их прошлого, примешь за коренных жителей Пекина. Стильные костюмы, ухоженный вид и неизменное лидерство их отделов в годовых рейтингах продаж делали парней гордостью фирмы.

Незадолго до этого Ли Кай завел с ними серьезный разговор. Мол, общежитие — это, конечно, хорошо, но годы-то идут. Заведете невест — не в общую же комнату их водить на свидания? Снимать угол в столице — деньги на ветер, тем более пока есть бесплатное жилье от компании. Выход один — покупать собственную недвижимость.

В родные края они уже вряд ли вернутся, а столичные барышни нынче пошли практичные. Если невеста с городской пропиской или хотя бы со стабильной работой в Пекине, то наличие собственных квадратных метров при сватовстве станет решающим аргументом.

Люди в этом плане мало отличаются от птиц: сначала вяют прочное гнездо, а уж потом заводят пару. Век романтиков прошел, нынешние девушки прагматичны до мозга костей. Время, когда для создания семьи хватало клятвы на цитатнике Мао, безвозвратно кануло в лету.

Помимо традиционного выкупа за невесту, первым делом звучит жесткий вопрос: «А где мы будем жить после свадьбы?»

Вот почему пекинцы неохотно рождаются с приезжими. Дело не только в престижной столичной прописке — у местных всегда есть крыша над головой. И пусть порой три поколения ютятся в одной тесной квартирке, они хотя бы стоят в очереди на государственное улучшение жилищных условий и знают, что рано или поздно получают просторные метры.

Ли Кай настоятельно советовал им брать жилье на стадии котлована, причем обязательно в проектах крупных застройщиков уровня «Голубого щита» — у таких гигантов стройка точно не заморозится из-за нехватки средств. Спешить парням было некуда, а покупка недостроенного дома обходилась на порядок дешевле готового. Выгода была очевидной.

В те годы на рынке преобладала классическая схема: сначала застройщик возводил объект под ключ, сдавал его госкомиссии, получал все акты соответствия и разрешения на продажу, и только потом выставял квартиры на торги.

Для покупателя это было безопасно, но для строительных компаний — губительно. Огромные средства оказывались замороженными на годы, и любой сбой в экономике мог мгновенно обанкротить даже крепкое предприятие.

Поскольку «Триумф» вложил немало сил и средств в совместное строительство торговых центров, Ли Кай кровно желал, чтобы у партнеров не возникло кассового разрыва. Задержка сроков ударила бы по его собственным амбициозным планам.

И тогда он предложил генеральному директору Янь Хуайцяну революционную идею:

— Запустите продажи на этапе строительства! Имя вашего консорциума гремит по всей стране, люди доверяют вам и с радостью пойдут на риск ради солидной скидки. Это моментально развяжет вам руки и наполнит счета ликвидностью. Напишите красивую рекламную кампанию о выгодах инвестиций в строящееся жилье. А что касается разрешительных документов на недостроенные площади... С вашими связями получить нужные подписи будет делом техники. Главное — вернуть деньги в оборот, и тогда весь проект задышит заново.

Выслушав это, Янь Хуайцян посмотрел на молодого человека с таким восхищением, что едва удержался от соблазна переманить его в свой штат на должность главного стратега.

Сказано — сделано. Гоудань тут же присел на уши Дафу и Иньтоу, убедив их вложиться в котлован. Вслед за ними по его совету недвижимостью обзавелись еще несколько сотрудников компании — как столичных жителей, так и приезжих. Никто не сомневался в деловом чутье босса: если уж Ли Кай просчитал выгоду, осечки не будет.

Парни беспрекословно доверяли Гоуданю, поэтому без лишних колебаний выгребли все свои сбережения до последнего юаня и внесли первый взнос. Недостающую сумму Ли Кай щедро ссудил им из собственного кармана — отдадут потом, без спешки, когда встанут на ноги еще прочнее.

<http://bllate.org/book/19654/1996849>